

СОЦИАЛЬНАЯ ДИАГНОСТИКА

DOI: 10.14515/monitoring.2019.5.11

Правильная ссылка на статью:

Платонов К. А., Юдина Д. И. Повестка протестных онлайн-сообществ Санкт-Петербурга во «ВКонтакте» // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2019. № 5. С. 226—249. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.5.11>.

For citation:

Platonov K. A., Judina D. I. (2019) Agenda of Vkontakte online protest communities based in St Petersburg. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 5. P. 226—249. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.5.11>.

К. А. Платонов, Д. И. Юдина

ПОВЕСТКА ПРОТЕСТНЫХ ОНЛАЙН-СООБЩЕСТВ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА ВО «ВКОНТАКТЕ»

ПОВЕСТКА ПРОТЕСТНЫХ ОНЛАЙН-СООБЩЕСТВ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА ВО «ВКОНТАКТЕ»

AGENDA OF VKONTAKTE ONLINE PROTEST COMMUNITIES BASED IN ST PETERSBURG

ПЛАТОНОВ Константин Аркадьевич — кандидат социологических наук, специалист Центра социологических и интернет-исследований, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия
E-MAIL: pltnv@list.ru
<http://orcid.org/0000-0001-9659-5894>

Konstantin A. PLATONOV¹ — Cand. Sci. (Soc.), Specialist, Center for Sociological and Internet Research
E-MAIL: pltnv@list.ru
<http://orcid.org/0000-0001-9659-5894>

ЮДИНА Дарья Игоревна — специалист Центра социологических и интернет-исследований, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия.
E-MAIL: d.yudina@spbu.ru
<http://orcid.org/0000-0002-6603-0697>

Darja I. JUDINA¹ — Specialist, Center for Sociological and Internet Research
E-MAIL: d.yudina@spbu.ru
<http://orcid.org/0000-0002-6603-0697>

¹ Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia

Аннотация. Статья посвящена онлайн-сообществам, представляющим активные протестные движения Санкт-Петербурга в социальной сети «ВКонтакте». Современные российские протестные движения активно используют ресурсы социальных сетей для координации и агитации. Период с начала 2010-х годов отмечился бумом активности протестных сообществ в интернет-пространстве, что проявилось во множестве кейсов, начиная с событий на Болотной площади и заканчивая митингами 2018—2019 гг. против пенсионной реформы.

Контент онлайн-сообществ остается важным и недооцененным ресурсом осмысления публикационных стратегий. Он содержит большое количество информации о ключевых темах, акторах, требованиях и символах движений, а также применяемых форматах цифрового активизма, таких как использование электронных петиций или флеш-мобов. Целью исследования является описание повестки протестных онлайн-групп на основе ключевых характеристик протестных движений, проявляющихся в публикуемом контенте.

Для исследования были отобраны посты семи наиболее активных сообществ, представляющих различные движения: «Комитет защиты Петербурга», «Движение „Весна“», «Защитим Исаакиевский Собор», «Нет живодерству в России. СПб.», «Сохраним Пулковскую Обсерваторию», «Санкт-Петербургское отделение ЛКСМ», «Команда Навального | Санкт-Петербург», — за 2017—2018 гг. Описаны структура и основные характеристики контента для каждой площадки. Проанализированы основные сходства и различия протестных онлайн-сообществ.

Abstract. The article examines Vkontakte communities representing active protest movements operating in St Petersburg. Modern Russian protest movements actively use social network resources for coordination and campaigning. Early 2010s saw a surge in online protest communities' activities related to the Bolotnaya Square developments and the 2018-2019 rallies against pension reforms.

Online community content is an important and underestimated resource to explore online publication strategies. It has a great deal of information about the key topics, authors, claims and symbols of movements as well as forms of digital activism (e-petitions, flash mobs). The study aims to describe the agenda of online protest communities based on the core characteristics of protest movements manifested in the publications.

The posts from seven active communities (2017-2018) were used to study different movements such as: "Committee to protect St Petersburg", "Vesna Movement", "Let's protect Isaakievsky Cathedral", "No animal cruelty in Russia. SPb", "Save Pulkovo Observatory", "St Petersburg branch of Leninist Komsomol", "Navalny's Team | St. Petersburg". The paper describes the structure and basic features of content in each community and analyzes main similarities and differences of online protest communities.

Ключевые слова: протест, социальные сети, протестные движения, стратегическая коммуникация, онлайн-сообщества

Keywords: protest, social networks, protest movements, strategic communication, online communities

Благодарность. Авторы выражают благодарность коллективу Центра социологических и интернет-исследований Санкт-Петербургского государственного университета. Исследование выполнено при поддержке РФФИ, грант 18-011-00477 «Социологический анализ протестного потенциала российской студенческой молодежи».

Acknowledgments. The authors would like to thank the colleagues from the Center for Sociological and Internet Research (St Petersburg State University) for guidance and support. The work was supported by Russian Foundation for Basic Research [grant No. 18-011-00477 “Sociological analysis of the protest potential among Russian students”].

Сети социальных связей всегда играли существенную роль в процессе привлечения интереса и вовлечения в протестные движения. В 1991 г. Р. Гоулд показал исключительное значение сетей в процессе мобилизации, связанной с событиями Парижской коммуны [Gould, 1991]. Спустя 25 лет ученые Нью-Йоркского университета с помощью анализа больших данных представили эмпирическое доказательство влияния сетевой онлайн-коммуникаций в Twitter на участие в протестах [Larson et al., 2016].

В последние десятилетия сеть онлайн-коммуникаций становится все более значимой средой политического участия. По мысли М. Кастельса, интернет является пространством свободы для современных социальных движений, функционирующих как децентрализованные сети сетей (networks of networks) [Castells, 2012: 221]. Онлайн-площадки выступают не только в качестве источников альтернативной информации, но и являются платформой для обсуждений, привлечения внимания, содействия самоорганизации и общению людей, в той или иной степени вовлеченных в политическую коммуникацию [Demetriou, 2012: 182].

Влияние социальных сетей на развитие протестных движений проявилось во множестве кейсов, самыми яркими из которых стали движение Occupy Wall Street [Theocharis et al., 2015] и «арабская весна» [Balci, Gölcü, 2013]. В ряде случаев социальные медиа показали себя как эффективные площадки для запуска информационных волн, набирающих обороты даже вопреки системам цензурирования (media blackout) со стороны национальных СМИ [Breuer, Landman, Faruqar, 2015], а также мощные каналы для мобилизации молодой аудитории, невосприимчивой к другим вариантам агитации [Enjolras, Steen-Johnsen, Wollebæk, 2013].

Концепция цифрового протеста

Децентрализованность и сложность структуры современных политических движений актуализируют смещение исследовательского фокуса с концепции коллективного действия на феномен политического участия. Существует множество форм политического участия, которое в общем смысле может быть определено

как все разнообразие гражданской активности, затрагивающей политическую сферу [Van Deth, 2014].

Цифровое участие (e-participation) как один из типов политического участия рассматривается с точки зрения трех ключевых аспектов: идеи демократического участия, проективной перспективы, связанной с целями и направленностью движений, а также с социотехнической, определяющей логику интеграции онлайн-технологий в этот процесс [Macintosh, Whyte, 2008].

«Электронный формат» участия обладает следующими преимуществами: за счет него могут быть охвачены большие аудитории и разнообразные социальные группы, сам эффект от участия может быть более мощным, также направленность и формы активности могут существенно отличаться от традиционных [Sæbø, Rose, Flak, 2008].

Эмпирические исследования показывают, что сетевые онлайн-акты гражданского участия (digitally networked participatory acts) представляют собой не просто «цифровые версии» традиционных протестов, а складываются в принципиально новые форматы коллективного поведения [Theocharis, 2015]. И одним из наиболее важных моментов здесь является вопрос о соотношении активности протестных онлайн-сообществ и протестных событий в офлайне. В современной теории цифрового политического участия сложились две принципиально противоположные точки зрения на этот процесс.

Первая, и довольно популярная, касается онлайн-протеста как «слактивизма» и «кликтивизма» — то есть прежде всего рассматриваются практики «самоуспокоительных действий» для выражения одобрения и сочувствия протестующим с близким к нулю политическим эффектом¹ (в соцсетях это репосты, лайки, изменения статусов и другие реакции пользователей). Проще говоря, «гипотеза слактивизма» предполагает, что с повышением интенсивности обращения к социальным сетям гражданская вовлеченность снижается [Howard et al., 2016]. Противники подобной точки зрения заявляют, что она в целом, несмотря на убедительное логическое обоснование, не нашла достаточного эмпирического подтверждения, и есть конкретные кейсы, когда онлайн-агитация повлияла на офлайн-мобилизацию [Christensen, 2011] или, как минимум, позволила привлечь максимальное внимание к важной социальной проблеме в короткий срок [Vie, 2014].

Вторая точка зрения, соответственно, признает значимость политического участия онлайн, в этом ключе рождаются новые описательные модели — то, что можно обобщенно назвать пользовательской демократией (user-generated democracy) [Loader, Mercea, 2011]. В рамках данного направления изучаются различные процессы, такие как онлайн-рекрутирование в протестные движения (protest recruitment) [González-Bailón et al., 2011], обсуждение и комментирование как инструменты совещательной демократии [Halpern, Gibbs, 2013]. Один из наиболее актуальных вариантов такой «позитивной» модели цифрового политического участия предполагает рассмотрение процессов формирования и актуализации политической ориентации через представления о соревновательной префигуративной политике. Префигуративность отражает сочетание *принципа прямого действия*,

¹ Morozov E. (2009). The brave new world of slacktivism // Foreign policy. No. 19 (05). URL: <https://foreignpolicy.com/2009/05/19/the-brave-new-world-of-slacktivism/> (accessed: 29.04.2019).

стремление к изменению общественных отношений снизу и ценностно-рациональной ориентации в идеологии современных социальных движений [Leach, 2013].

Актуальность этой логики относительно социальных сетей отметил в своих исследованиях Д. Мерсея, автор концептуальной модели «цифрового префигуративного участия» (digital prefigurative participation) [Mercea, 2016]. В целом теория исходит из того, что участие в протестных событиях берет начало из процесса коммуникативного взаимодействия, в ходе которого частные интересы постепенно артикулируются в публичные. Цифровое префигуративное участие представляет собой всю совокупность онлайн-практик (то есть актов взаимодействия с контентом и другими пользователями), предшествующих вовлечению в реальные (физические) протестные действия (кроме «чистого» онлайн-активизма: политических флешмобов, хактивизма и т. п.) [Mercea, 2012].

В нашем исследовании в качестве базового допущения мы используем концепцию префигуративного участия. Это дает нам возможность рассматривать контент онлайн-коммуникаций как источник информации о характере, целях и способе формирования протестных движений, что впоследствии может оказаться полезным для прогнозирования как онлайн- [Ranganath et al., 2016], так и офлайн-протеста [Kallus, 2014].

Цифровой протест в России

Современная Россия переживала несколько волн повышения протестной активности: кризис 1989—1991 гг., протесты, связанные с задержками зарплат в 1997—1998 гг., монетизация льгот в 2005—2006 гг. [Чувашова, 2013]. В качестве достаточно громких примеров локальных протестов можно назвать, к примеру, заметные экологические конфликты: «Химкинский лес» в 2007—2012 гг., конфликт в Пикалево в 2009 г. Последний всплеск протестной активности пришелся на 2018 г., и был вызван комплексом факторов, главным образом пенсионной реформой².

Обзорные исследования показывают, что протестная активность в современной России связана во многом с относительно слабым развитием свободных источников информации и открытых площадок для выражения общественных интересов [Petrov, Lipman, Hale, 2014]. Эти обстоятельства усугубляются трансформациями в индустрии медиа: усиление проправительственных СМИ, проявление рычагов давления на частные медиа, а также появление все новых законов, регламентирующих легальность тех или иных публикаций [Denisova, 2017]. В результате снижения доверия к официальным источникам информации по общественно-политическим проблемам растет спрос на альтернативные источники информации, в том числе в социальных сетях.

Российская ситуация также обладает рядом особенностей, которые следует учитывать при анализе политической коммуникации в онлайн-пространстве.

Первая особенность — крайняя **неравномерность протестного (онлайн)-ландшафта**, которая проявляется в контексте разнообразия регионов³. Локальный протест стал одним из актуальных трендов, показав вовлечение в протестное дви-

² Протесты 2017—2018: рост протестной активности населения // Центр экономических и политических реформ. URL: <http://cepr.su/2018/11/08/protests-2017-2018/> (дата обращения: 29.04.2019).

³ Там же.

жение ранее аполитичных групп⁴. Важно, что уже на региональном уровне протестная мобилизация практически полностью уходит в **социальные сети**, с которыми местная власть по-прежнему работает достаточно формально⁵. Таким образом, возможность онлайн-консолидации в регионе привязывается к техническим факторам, таким как проникновение интернета, компьютерная грамотность, поскольку цифровое неравенство все еще актуально для России [Волченко, 2016; Бобылев, Тикунов, Черешня, 2018]. Многие региональные протесты попадают в федеральную повестку, на что влияет множество факторов, например, наличие у участников ресурсов, острота и массовость протеста, а также действия власти⁶.

Важно и то, что серьезные меры по сокращению цифрового разрыва государство начало принимать только недавно, фактически с 2009 г. [Nocetti, 2011: 9]. Многие форматы цифрового участия, в том числе сервисы электронного правительства, уже отработанные в других странах, для России оказались в новинку.

Вместе с тем прослеживается некоторое недоверие власти к инструментам **цифровой демократии**, получившим распространение в мировой практике, например, к онлайн-петициям⁷. В связи с этим иногда даже успешные онлайн-петиции и онлайн-акции не позволяют оказать на ситуацию хоть сколько-нибудь удовлетворяющий протестующую сторону политический эффект. Относительно слабое развитие и распространение инструментов и каналов гражданского цифрового участия [Matay, 2014], в свою очередь, провоцирует развитие протестных сообществ и кампаний в социальных сетях, поскольку в ряде случаев официальные каналы оказываются неэффективными.

Стоит отметить также и специфику российского **регулирования интернет-пространства**. До 2012 г. контроль над ним был минимальным, а затем за несколько лет было принято множество законов, накладывающих достаточно серьезные ограничения, в том числе на политическую активность в онлайн. Эти меры привели к серийным блокировкам, существенно снизили и затормозили потенциальные возможности цифровой мобилизации, распространения протестного контента [Kerr, 2018: 57]. Это послужило толчком к некоторому усилению социальных сетей, которые, как правило, в целом гораздо сложнее устроены, чем, например, новостные площадки, видеохостинги или блоги, и поэтому сложнее поддаются контролю, «прицельным» блокировкам. Однако важно учитывать, что ряд законов предусматривают уголовную ответственность и за действия в соц-сетях, к примеру, декриминализация репостов была проведена только 15 ноября 2018 г. после серьезных общественных волнений⁸. Несмотря на запретительные

⁴ Орлов Д., Салаватова А. Эффект масштаба: как локальный протест в России обретает новое качество // РБК. URL: <https://www.rbc.ru/opinions/politics/06/04/2018/5ac72fd59a79470651f0c009> (дата обращения: 07.07.2019).

⁵ Протестное поле в России: Форматы и практика // Институт региональной экспертизы. С. 21. URL: <http://irex.group/articles/protestnoe-pole-v-rossii-formaty-i-praktika> (дата обращения: 07.07.2019).

⁶ Локальные конфликты и их влияние на власть и общество. Резюме дискуссии на круглом столе в КГИ // КГИ. 13.07.2017. URL: <https://komitetgi.ru/analytics/3331/> (дата обращения: 07.07.2019).

⁷ Хачатрян Э., Тодоров В. Интернет — не место для петиций // Газета.ru. 05.08.2015. URL: https://www.gazeta.ru/tech/2015/08/05/7669441/online_petition_trust.shtml (дата обращения: 07.07.2019).

⁸ Кинякина Е. Срок за репост: сколько в России осужденных за действия в интернете // Forbes. 23.11.2018. URL: <https://www.forbes.ru/tehnologii/369439-srok-za-repost-skolko-v-rossii-osuzhdennyh-za-deystviya-v-internete> (дата обращения: 07.07.2019).

меры, по состоянию на 2019 г., как ни парадоксально, в российских социальных сетях до сих пор находят стратегии выживания в том числе и радикальные, и экстремистские сообщества [Myagkov et al., 2019].

С точки зрения цифрового протеста наиболее показательным стал кейс 2011 г. — митинг на Болотной площади: информационная поддержка велась в основном через соцсети, а аналитика на основе данных «протестных профилей» привлекла внимание не только исследователей, но и СМИ⁹. Именно в период декабрьских митингов на Чистых прудах, Болотной площади и проспекте Сахарова российское протестное движение предстало не как аморфная и стихийная, а как организованная и вполне консолидированная сила, координируемая в основном через интернет [Мамонов, 2012], онлайн-площадки стали частью «инфраструктуры митингов» [Ваньке, Ксенофонтова, Тартаковская, 2014].

Исследования показывают, что в российских реалиях онлайн-коммуникации уже глубоко интегрировались в процессы консолидации и информирования, связанные с протестными движениями. Роль цифрового взаимодействия проявляется в возможностях солидаризации и поддержки [Радченко, 2016], вовлечения в протестное движение [Ушкин, 2014], продвижения протестных символов [Ним, 2016], меметизации протеста [Канашина, 2018], а также банального привлечения внимания за счет публикации «шок-контента» [Югай, Крылова, Архипова*, 2017: 228].

Согласно комплексному исследованию международной группы Digital Society Project, построенному на экспертной панели, Россия входит в число стран, где социальные сети часто используются для вовлечения в офлайн-мобилизацию как лидерами мнений, так и массами [Mechkova, Pemstein, Seim et al., 2019]. Вместе с постепенным ростом доли людей, считающих социальные сети главным источником информации, в последние годы растет и доля тех, кто доверяет им¹⁰.

Несмотря на то, что некоторые исследователи приходят к выводу, что цифровой протест в России зачастую вписывается в модель слактивизма [Гольбрайх, 2016; Кукшинов, 2013], отдельные кейсы показывают, что в ряде случаев онлайн-коммуникации входят в число определяющих факторов для развития офлайн-мобилизации. Так, на доказательной базе данных Twitter и блогов Д. Радченко и др. показали, что «митинг на Болотной состоялся во многом благодаря активности интернет-сообщества» [Радченко, Писаревская, Ксенофонтова, 2012]. Другим знаковым событием в этом контексте стал митинг против блокировки Telegram [Akbari, Abdulhakov, 2019], который начинался как серия онлайн-акций и флешмобов и впоследствии спровоцировал реальные протестные выступления с участием тысяч людей¹¹. Р. Ениколопов, А. Макарин и М. Петрова показали, что увеличение аудитории «ВКонтакте» по России влияло на повышение вероятности возникновения протестов и повышало число протестующих [Enikolopov, Makarin, Petrova, 2019].

⁹ Общество анонимных революционеров // Republic. Платформа профессиональной журналистики. URL: <https://republic.ru/posts/1/765700> (дата обращения: 29.04.2019).

¹⁰ Интернет против телевидения: битва продолжается // ВЦИОМ. 03.05.2017. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=116190> (дата обращения: 29.04.2019).

¹¹ Мы умнее своих родителей. В Москве прошел митинг против блокировки Telegram // Медуза. URL: <https://meduza.io/feature/2018/04/30/my-umnee-svoih-roditeley> (дата обращения: 07.07.2019).

Здесь и далее: * 26.05.2023 внесена в реестр иностранных агентов.

Влияние социальных медиа и блогов на формирование протестных установок и вовлечение прослеживается и в ходе ряда региональных исследований и кейсов: «игрушечные» протесты в Барнауле в 2012 г. [Ним, 2016], протесты в Ельце в 2013 г. [Скиперских, 2013: 31], пикеты в Казани в 2011 г. [Сергеев, 2012], этнический конфликт в Минеральных водах в 2014 г. [Карзубов, 2016].

Рассмотрение подобных кейсов показывает, что среди условий эффективности онлайн-коммуникации для формирования «почвы» офлайн-протеста присутствуют активность, интенсивность, применение ярких символов и образов, своевременность и острота текстов, общая релевантность контента.

Повестка протестных сообществ

Сравнительные исследования показывают, что протестный контент социальных движений в онлайн-пространстве базируется прежде всего на политической дискуссии, информационной поддержке и только затем, в меньшей мере, на призывах и пропаганде, впрочем, акцент на тех или иных аспектах зависит как от самого движения, так и от страны его происхождения [Theocharis et al., 2015]. Дж. Логи и Л. Гурак, подчеркивая эффективность онлайн-движений в тексто-ориентированных цифровых протестах (text-based cyber-actions), отмечают их способность обращаться непосредственно к ценностям сообществ (community ethos) [Logie, Gurak, 2003: 31], провоцируя быструю реакцию. Таким образом, для успешного достижения целей сообществам необходимо публиковать контент, релевантный стратегии самого движения.

В данном исследовании мы фокусируемся на онлайн-сообществах социальной сети «ВКонтакте», выступающие своеобразными «агрегаторами» контента, характеризующего содержание и направленность протестных движений. Мы взяли движения, которые в последние годы были наиболее заметны в Санкт-Петербурге — городе, известном лидирующими позициями по числу протестных акций¹².

Целью исследования является описание повестки протестных онлайн-сообществ на основе характеристик, типичных для протестных движений. Эта цель обусловлена необходимостью выяснить, существует ли структурное разнообразие в формировании повесток протестных онлайн-групп. Различные типы повесток предполагают разные модели участия сторонников протестных движений. Но чтобы спроектировать эти модели, необходимо начать с изучения повестки.

Основной исследовательский вопрос нашего исследования: *каковы ключевые особенности повестки наиболее активных онлайн-сообществ, представляющих протестные движения Санкт-Петербурга во «ВКонтакте»? Какие сходства и различия проявляются в стратегиях формирования повестки?*

Ключевые характеристики

Темы. Публикации в сообществах могут быть посвящены различным аспектам жизни протестного движения, например, событиям, призывам к поддержке, новостям, памятным датам. Анализ тематического наполнения позволяет понять приоритетную направленность и ключевые методы борьбы [Qin, Strömberg, Wu,

¹² Протесты 2017—2018: рост протестной активности населения // Центр экономических и политических реформ. URL: <http://cepr.ru/2018/11/08/protests-2017—2018/> (дата обращения: 29.04.2019).

2017; Jost et al., 2018]. Кроме того, баланс тематик многое говорит о паттернах активности сообщества [Theocharis et al., 2015]. Темы также часто могут быть обобщены до уровня тематических фреймов [Harlow, 2012].

Акторы. Контент сообществ, как правило, содержит упоминания действующих лиц, важных для движения личностей, организаций, структур и ведомств.

Требования. Каждое движение выражает определенный набор претензий и запросов, которые проявляются на различных уровнях: от выражения злости к установлению причинно-следственных связей и обвинениям, и далее — к активной мобилизации [Bondes, Schucher, 2014].

Символы. Представляют собой некоторые предметы или образы, ассоциирующиеся с определенным движением (такие как «белая лента», «желтый жилет», Че Гевара, Мартин Лютер Кинг). Они могут подчеркивать идеологическую направленность движения, обеспечивать узнаваемость или быть своеобразной данью традициям. В поле внимания исследователей попадают самые разные аспекты символической составляющей протеста, например, мемы [Milner, 2013] или практика использования протестных аватаров [Gerbaudo, 2015].

Форматы. Контент может представлять различные формы онлайн-активизма. Они достаточно разнообразны: онлайн-петиции, бойкоты, рассылки, кампании по подготовке писем [Earl, 2006]. В ряде случаев используются и менее популярные форматы, например, онлайн-флешмобы [Lunde, 2016]. В российских социальных сетях среди всего этого разнообразия наиболее распространены онлайн-петиции, которые, впрочем, используют далеко не все сообщества.

Выборка и данные

В качестве источника данных используется самая популярная российская социальная сеть «ВКонтакте». Закачка данных реализована с использованием API «ВКонтакте»¹³. Согласно данным опросов Центра социологических и интернет-исследований СПбГУ, 70 % интернет-пользователей в Санкт-Петербурге пользуются этой социальной сетью, что значительно больше охвата других сетей¹⁴.

Для исследования мы изначально вручную отобрали 25 популярных сообществ, направленность которых касается различных событий и движений: от феминистских акций до противников догхантеров. Список был составлен с помощью поиска по группам с использованием запросов: «протест», «против», «движение», — и с указанием региональной принадлежности сообщества к Санкт-Петербургу. Нерелевантные сообщества отсеивались вручную, кроме того, список был дополнен релевантными сообществами, ссылки на которые были обнаружены в специальном блоке «Ссылки» в уже найденных группах. К протестным мы относили сообщества, в описании и контенте которых представлены ключевые признаки протестного движения: политизированность, наличие критики, репрезентация конфликта и требований. Для 25 сообществ были скачаны все посты (всего 31 707 постов, опубликованных в период с 10 января 2010 г. по 12 ноября 2018 г.).

¹³ ВКонтакте. Методы API. URL: <https://vk.com/dev/methods> (дата обращения: 10.10.2019).

¹⁴ Телефонный опрос, РЦ ЦСИИ, январь, 2019.

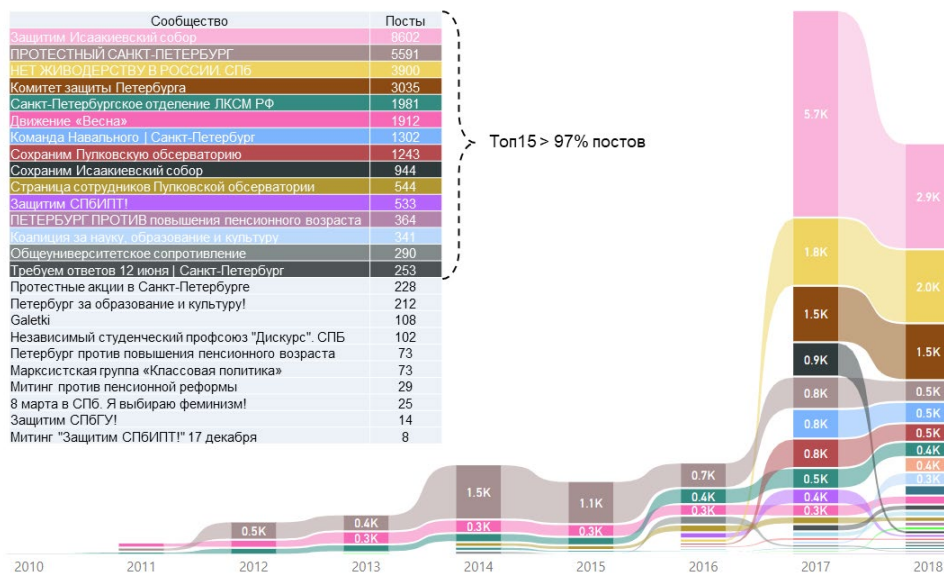

Рисунок 1. Рейтинг активности популярных протестных сообществ «ВКонтакте» в динамике (число постов, в тысячах)

В качестве сообществ для анализа мы отобрали семь самых активных (по числу постов), исключив из топ-8 (сообществ, набравших более 1000 постов) группу «Протестный Петербург», поскольку разведывательный анализ показал, что ее контент состоит в основном из репостов, а она сама не репрезентирует оформленного протестного движения, выступая площадкой для размещения постов других сообществ. В дальнейшем мы также анализируем только посты за 2017 и 2018 гг., поскольку именно эти годы показали несопоставимо высокую активность по сравнению с предыдущими.

Метод

В качестве основного метода применяется качественный контент-анализ [Miles, Huberman, 1994], предполагающий построение абстрагированной, при этом достаточно полной по содержанию, интерпретации типичного контента сообщества с формулированием обобщений (summarizing) [Mayring, 2014] на базе выявления ключевых тематических паттернов для подвыборок 100 случайно отобранных постов для каждого сообщества (за 2017 и 2018 гг.).

Тематика протестных сообществ

Хотя иногда освещаемые темы частично пересекаются, каждое движение формирует свою уникальную повестку в соответствии с собственными целями и представлениями об интересах своих сторонников.

Сообщество «Комитет защиты Петербурга»

Повестку протестной группы «Комитет защиты Петербурга» можно разделить на два крупных блока: темы, связанные с градозащитой, и общеполитические темы.

Протестная группа освещает множество вопросов, связанных с градозащитной тематикой. Среди чисто политических вопросов, помимо публикаций об акциях и призывов к участию в градозащитной деятельности, группа распространяет информацию о готовящихся или совершенных действиях и решениях правительства города или администрации районов, меняющих облик города, законопроектах, способных позитивно или негативно повлиять на жизнь горожан, и политических переговорах, затрагивающих условия городской среды и ее возможные изменения, между условной оппозицией в городском парламенте и представителями городского правительства.

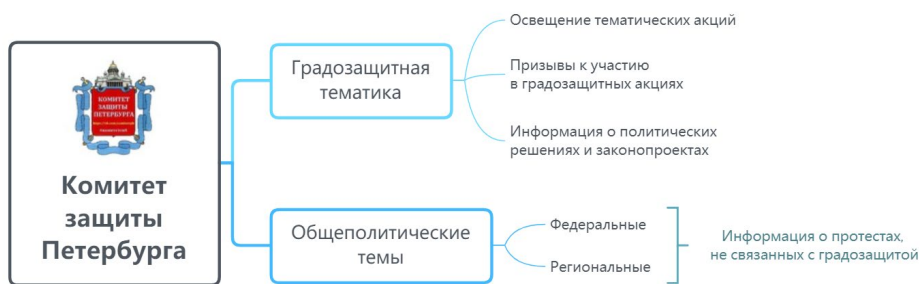

Рисунок 2. Структура повестки сообщества «Комитет защиты Петербурга»

Объектами наблюдения градозащитной группы выступают действия не только политических акторов, но и крупных компаний, причем не только строительных. В основном, конечно, публикуется информация о борьбе местных активистов с застройщиками, но уделяется также внимание и крупным компаниям, повлиявшим на экологию или внешний вид города (например, через рекламу).

В повестке «Комитета» можно выделить посты, содержащие информацию об объектах культурного наследия, нуждающихся в защите от планов Смольного, частных инвесторов или просто разрушения. Группа также делает публикации о происшествиях, например, случаях вандализма или образования мусорных свалок.

Кроме того, в группе можно увидеть репосты из других протестных сообществ, СМИ и блогов, чьи статьи или акции затрагивают городскую тематику.

Общеполитический блок в повестке группы можно разделить на региональный и федеральный. К федеральному относятся освещение общефедеральных или проходящих в других регионах выборов, а также широкомасштабные протесты, например, против пенсионной реформы. Региональные общеполитические тематики включают в себя местные, городские выборы, а также протесты, не связанные с градозащитой, например, акции «Открытой России».

Сообщество «Движение „Весна“»

Повестка сообщества движения «Весна» исключительно разнообразна по содержанию. Посты содержат прежде всего упоминания акций и митингов, которые движение поддерживает или организует. Все посты публикуются только от имени сообщества и имеют сходную стилистику.

В повестке «Весны» присутствуют новости об акциях и митингах, посвященных таким событиям и проблемам, как передача Исаакиевского собора РПЦ, репрессии, годовщина Февральской революции, годовщина теракта в Беслане, трагедия в Кемерово, а также проблемы полицейского насилия, свободы интернета.

Рисунок 3. Структура повестки сообщества «Движение „Весна“»

Достаточно часто можно увидеть тематику выборов: критику действующего президента, призывы и информацию об организации забастовки избирателей, сообщения о наборе наблюдателей.

Существенная часть постов связана с судьбами активистов: в текстах чаще всего сообщается об их задержаниях, выходе на свободу, судах и инцидентах с их участием. Кроме того, «Весна» относительно часто анонсирует тематические, просветительские и образовательные мероприятия, лекции, заседания и съезды. Также движение использует «ВКонтакте» как площадку для продвижения своего канала Telegram и группы Facebook.

Сообщество «Защитим Исаакиевский собор»

Посты сообщества «Защитим Исаакиевский собор» публикуются не только от лица самого сообщества, но и с личных аккаунтов. Стилистика сильно разнится от поста к посту: от строгого инфостила до эмоциональных текстов.

Значительная масса текстов связана с новостями по поводу ситуации с передачей собора и обсуждением этой проблемы, мнениями известных людей, часто это просто скопированные лид-абзацы со ссылкой на источник. Примечательно также наличие целого ряда антиклерикалистских постов, как правило, содержащих информацию об интервью священников.

Рисунок 4. Структура повестки сообщества «Защитим Исаакиевский собор»

Непосредственно защите Исаакиевского собора при этом посвящено меньше половины всех постов: на стене сообщества можно увидеть немало публикаций по смежным, а в ряде случаев и откровенно посторонним темам.

Отдельный блок представляют новости о не связанных с Исаакиевским собором протестных темах и событиях: выборы, траты Минкультуры, фильм «Матильда», защита парков. В текстах периодически упоминаются политики, поддерживающие движение: М. Резник и Б. Вишневский.

Сообщество «Нет живодерству в России. СПб»

Группа «Нет живодерству в России. СПб» существенно отличается от других рассмотренных сообществ за счет специфической тематики. Подавляющее большинство постов связаны с непосредственной критикой догхантеров, изобилующей резкими эмоциональными выражениями и прямыми оскорблениями конкретных людей. Часто упоминаются фамилии персон, обвиняемых или уже были осужденных за догхантинг, жестокое обращение с животными и сходные преступления.

Рисунок 5. Структура повестки сообщества «Нет живодерству в России. СПб»¹⁵

В группе распространяется информация о местонахождении, задержаниях, деятельности догхантеров, которых часто называют «живодерами» и «зоофашистами».

¹⁵ Сейчас группа называется «Нет живодерству в России. Мы за милосердие!».

Среди основных призывов: просьбы распространять информацию и вычислять догхантеров в социальных сетях. Упоминается проблема нелегальных собачьих приютов. В некоторых постах можно увидеть онлайн-петиции, направленные против догхантеров и призывы их подписать.

Сообщество «Сохраним Пулковскую обсерваторию»

В сообществе можно обнаружить посты различной направленности. Прежде всего это новости движения, связанные с судами, акциями и протестными выступлениями, вопросами статуса Главной (Пулковской) астрономической обсерватории РАН.

Рисунок 6. Структура повестки сообщества «Сохраним Пулковскую обсерваторию»

Упоминаются стороны конфликта: активисты и работники ГАО — с одной стороны, застройщик SetlCity и представители ЖК (Планетоград, Югтаун и другие) — с другой. Ряд постов связан с критикой директора Обсерватории Назара Ихсанова: его обвиняют в незаконном согласовании застройки на территории защитной зоны. Относительно небольшую долю составляют посты с призывами поддержать движение, прийти на пикет или акцию, написать обращение в онлайн-приемную. В публикациях представлены конструктивные критические аргументы против застройки: световое загрязнение, турбулентность и другие факторы, которые будут вызваны большим жилым массивом. Число текстов на посторонние тематики — минимально. Подавляющее большинство постов сделано от лица самого сообщества.

Сообщество «Санкт-Петербургское отделение ЛКСМ РФ»

Группа «Санкт-Петербургское отделение ЛКСМ РФ» идеологически ориентирована на коммунистические и социалистические ценности, что повсеместно проявляется в стилистике и содержании контента. Все посты опубликованы от лица самого сообщества, представленные темы достаточно разнообразны. Движение предстает в большей мере как идеологическое, нежели политическое, повестка ориентирована в большинстве случаев скорее не на гражданских активистов, а на широкий круг заинтересованной общественности. Об этом свидетельствует множество отсылок к истории, большое число «слетов» и «пленумов», отсутствие направленности на конкретные политические задачи: «за социализм, против капитализма».

Значительная доля постов связана с тематическими мероприятиями: дебаты, встречи, съезды, собрания объединений, таких как марксистский кружок «Тот самый Маркс», «Школа рабочего и профсоюзного движения» и другие.

Рисунок 7. Структура повестки сообщества «Санкт-Петербургское отделение ЛКСМ РФ»

Среди постов протестной направленности можно отметить общую критику власти и правительства, а также освещение участия представителей движения в инициативах, направленных против пенсионной реформы. Группа выражает поддержку КПРФ и кандидату в президенты на выборах 2018 г. П. Грудинину.

Движение привлекает внимание к событиям, приуроченным к праздникам (1 и 9 Мая), другие памятные даты: столетие Красного знамени, столетие октябрьской революции. В освещении многих событий и объединений есть акцент на исторических личностях, ставших символами революционного движения: упоминаются годовщины смерти Ленина и Маяковского, клуб «Тот самый Маркс», цитаты из М. Горького.

Сообщество «Команда Навального | Санкт-Петербург»

Посты сообщества «Команда Навального | Санкт-Петербург» отличаются единством стилистики и характерны для площадки, направленной на информационную поддержку организованного протестного движения и координацию работы штаба.

Наиболее типичные посты можно разделить на несколько групп. Первая — публикации, представляющие собой анонсы различных прямых эфиров, телемостов петербургского штаба с другими регионами, офлайн-тренингов, лекций и встреч. Движение системно занимается подготовкой и обучением сторонников, что видно по тому, насколько часто анонсируются мероприятия в формате мастер-классов и консультаций. Вторая группа — публикации о судьбах активистов: мнениях, обвинениях, задержаниях лидеров и волонтеров. Третья — разнообразные анонсы и призывы присоединиться к протестным акциям и митингам, процессу их согласования, поиску площадок, раздаче листовок и установке «кубов».

Среди персоналий, представленных в постах, особое внимание уделено А. Навальному, Л. Волкову и В. Путину, в меньшей степени — другим политикам, однако в целом чаще всего речь идет именно о рядовых сторонниках: активистах, волонтерах и наблюдателях.

Ряд постов связан с ключевыми событиями для движения А. Навального — забастовкой избирателей, публикацией фильма «Он вам не Димон». Важными

посылами постов сообщества остаются открытая и адресная критика власти, агитация и призывы поддержать движение.

Рисунок 8. Структура повестки сообщества «Команда Навального | Санкт-Петербург»

Сравнительный анализ тематического ландшафта сообществ

Анализ протестных сообществ петербургских движений выявил богатое разнообразие форм выражения и действующих лиц, участвующих в политических дискуссиях и борьбе во имя тех или иных целей и ценностей. В целом каждое сообщество вырабатывает уникальную повестку, которая проявляется в характере и стилистике публикаций. Наиболее четко эти стратегии проявляются в контенте относительно сильно консолидированных в офлайне движений, таких как «Команда Навального» и «Весна». Наполнение этих групп наиболее сбалансировано с точки зрения формулирования требований и агитационного компонента, не содержит посторонних тематик. Контент этих площадок нацелен на относительно узкую заинтересованную аудиторию, в том числе — на информационную поддержку реальных сторонников и активистов (особенно «Команда Навального»). Другие сообщества также сочетают в себе новостные и агитационные функции, однако не являются такими мощными площадками координации протеста, их контент (за исключением сообщества против догхантеров) ориентирован на более широкую аудиторию. «Комитет защиты Петербурга», «Защитим Исаакиевский собор» и «Сохраним Пулковскую обсерваторию» сходны тем, что в существенной мере делают акцент на презентацию обсуждения проблемных ситуаций между участниками конфликтов: представителями бизнеса, власти и общественных движений, а также на результаты этих переговоров и последующие решения.

Существенным образом от всех других сообществ отличается движение против догхантеров. Стратегически эта площадка сфокусирована на одной четкой проблеме, ключевая задача — привлечь к ней внимание, показать ее распространенность, объяснить, почему нерегламентированная деятельность «живодеров» аморальна, а также опасна и незаконна. Группа нацелена на оперативную инфор-

мационную поддержку участников и деанонимизацию догхантеров, направленную на привлечение их к ответственности и соответствующее наказание.

Таблица 1. **Ключевые характеристики протестных онлайн-сообществ**

Сообщество	Темы	Актеры	Требования	Символы	Форматы
Комитет защиты Петербурга	Экология, облик города, застройка парков, свалки, митинги и пикеты.	Активисты, застройщики, Смольный.	Защита парков, защита исторических зданий.	Нет.	Петиции.
Движение «Весна»	Акции, тематические мероприятия: лекции, заседания, съезды, митинги/пикеты/акции, судьба активистов.	Активисты.	Свободные выборы, противодействие коррупции.	Логотип.	Петиции.
Защитим Исаакиевский собор	Защита собора, антиклерикализм.	Активисты, РПЦ.	Запрет на передачу Исаакиевского собора РПЦ.	Здание собора.	Нет.
Нет живодерству в России. СПб	Борьба с догхантерами.	Догхантеры.	Деанонимизация и привлечение догхантеров к ответственности.	Нет.	Петиции.
Сохраним Пулковскую обсерваторию	Защита обсерватории, митинги/акции.	Обсерватория, застройщики, жилищные компании.	Сохранение обсерватории, приостановка застройки на прилегающих территориях.	Здание обсерватории, телескоп.	Призывы написать в онлайн-приемную.
Санкт-Петербургской отделение ЛКСМ РФ	Критика власти, тематические мероприятия: слеты, пленумы, исторические события и памятные даты.	Активисты.	Отмена пенсионной реформы, поддержка КПРФ и Грудина.	Маркс, Ленин, Красное знамя.	Нет.
Команда Навального Санкт-Петербург	Тематические мероприятия: мастер-классы, консультации, координация работы штаба, анонсы мероприятий, судьба активистов, выборы.	Активисты, Навальный, Волков, Путин.	Честные выборы, противодействие коррупции, гражданские свободы.	Логотип.	Нет.

«ЛКСМ» (Ленинский Комсомол) — единственное сообщество, в повестке которого прослеживается четкий идейно-политический акцент, связанный с социалистическими ценностями. Общая критика власти сопровождается частыми отсылками к прошлому, историческим личностям и культовым для Комсомола событиям.

Заключение

Вырабатывая собственную повестку, каждое сообщество находит оптимальный баланс между информацией и агитацией, продвижением целей и ценностей, рациональностью и эмоциональностью. Сообщества, представляющие общепротестные движения, существенно отличаются от тех, что образовались вокруг дискуссий о решении отдельных общественно значимых вопросов (например, передача Исаакия, закрытие обсерватории). Сообщества «Весны» и «Штаба Навального» делают акцент на вовлечение в движение, мобилизацию и непосредственно на действиях и проблемах активистов, причем их упоминание часто персонифицировано. Такая стратегия соответствует «происхождению» этих групп: они изначально были созданы как «проекции» уже институционализированных политических движений. Несмотря на то, что «ЛКСМ» также подходит под это определение, он не ведет такой активной протестной деятельности и не выдвигает четких программных протестных требований.

Сообщества «Комитет защиты Петербурга», «Защитим Исаакиевский» и «Сохраним Пулковскую обсерваторию» группируются в градозащитный блок: эти группы похожи по подаче и структуре повестки, они сочетают конкретные цели и объединяющие их сторонников ценности, предлагая разноплановый контент без системной агитации и систематических призывов к офлайн-мобилизации участников.

«ЛКСМ» и сообщество против догхантеров уникальны на фоне прочих площадок: они выпадают из общего ландшафта протестных сообществ за счет своей конъюнктурности, поскольку делают существенный акцент на ценностных аспектах борьбы, затрагивая темы, которые редко появляются в повестке крупных СМИ.

Исходя из результатов исследования, можно вывести две модели участия в протестных движениях, которые их организаторы предлагают своим сторонникам: участие действием (уличные демонстрации, сбор подписей, обращения в суд и т. д.) и участие вниманием — через распространение протестной повестки и утверждение объединяющих их целей и ценностей как социально значимых. Такой вывод можно назвать банальным, указав на то, что это всего лишь следствия типичных действий протестных движений — агитации и пропаганды. Но мы считаем, что в терминах участия анализ развития протеста более продуктивен, так как дает возможность связать взаимодействия в онлайн-среде с реальными действиями и изменениями, которые ими обусловлены.

Проведенное исследование дает возможность продолжить систематизированное изучение протестных движений в онлайн-среде. Выявленные типичные темы и акторы в повестке протестных групп позволяют разрабатывать и использовать количественные индикаторы, характеризующие активность таких сообществ. Отдельный интерес представляет исследование формирования и изменения повестки и моделей участия движений в динамике.

Список литературы (References)

Бобылев С. Н., Тикунов В. С., Черешня О. Ю. Уровень развития цифровой экономики в регионах России // Вестник Московского университета. Серия 5: География. 2018. № 5. С. 27—35.

Bobylev S. N., Tikunov V. S., Chereshnya O. U. (2018) The level of digital economy development in the regions of Russia. *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seria 5, Geografia*. No. 5. P. 27—35. (In Russ.)

Ваньке А. В., Ксенофонтова И. В., Тартаковская И. Н. Интернет-коммуникации как средство и условие политической мобилизации в России (на примере движения «За честные выборы») // Интеракция. Интервью. Интерпретация. 2014. № 1(7). С. 44—73.

Vanke A. V., Ksenofontova I. V., Tartakovskaya I. N. (2014) Internet communication as a means and a condition of political mobilization in Russia: case of the «For Fair Elections». *INTER: interaction. Interview. Interpretation*. No. 1(7). P. 44—73. (In Russ.)

Волченко О. В. Динамика цифрового неравенства в России // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2016. № 5 (135). С. 163—182. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2016.5.10>.

Volchenko O. V. (2016) Dynamics of digital inequality in Russia. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 5 (135). P. 163—182. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2016.5.10> (In Russ.).

Гольбрайх В. Б. Экологический активизм: новые формы политического участия // Власть и элиты. 2016. № 3. С. 98—120.

Golbraih V. B. (2016) Environmental activism: new forms of political participation. *Power and Elites*. No. 3. P. 98—120. (In Russ.)

Канашина С. В. Роль интернет-мемов в процессе политических выборов // Политическая лингвистика. 2018. № 1. С. 67—73.

Kanashina S. V. (2018) The role of internet memes in political elections. *Political linguistics*. No. 1. P. 67—73. (In Russ.)

Карзубов Д. Н. Социальный протест в Минеральных Водах: результаты конфликтологического анализа // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2016. № 3 (23). С. 60—64.

Karzubov D. N. (2016) Social Protest in Mineralniye Vodi: the results of conflictological analysis. *Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. No. 3 (23). P. 60—64. (In Russ.)

Кукшинов Е. Ю. Медиатизация молодежи как фактор сокращения политического участия в современных демократиях // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. 2013. № 6. С. 33—40.

Kukshinov E. Y. (2013) The mediatization of youth as a factor in reducing political participation in modern democracies. *Moscow University Bulletin. Series 12. Political Science*. No. 6. P. 33—40. (In Russ.)

Мамонов М. В. Протестная активность россиян в 2011—2012 гг.: основные тренды и некоторые закономерности // Мониторинг общественного мнения : Экономические и социальные перемены. 2012. № 1. С. 5—22.

Mamonov M. V. (2012) Protest activity of Russians in 2011—2012: basic trends and patterns. *Monitoring of public opinion: economic and social changes*. No. 1. P. 5—22. (In Russ.)

Ним Е. Г. «Игрушко митингуэ»: в поисках теории медиатизации гражданского протеста // Журнал исследований социальной политики. 2016. № 14 (1). С. 55—70.
Nim E. G. (2016) «I Can Haz Toy Protezt»: In Search of a Theory of Social Movement mediatisation. *The Journal of Social Policy Studies*. No. 14 (1). P. 55—70. (In Russ.)

Радченко Д. А. Сопrotивление протесту: обсуждение «Антиплатона» в московской пробке // Городские тексты и практики. Т. 1: Символическое сопротивление / сост. А. С. Архипова*, Д. А. Радченко. М. : ИД «Дело». 2016. С. 174—186.
Radchenko D. A. (2016) Resistance to protest: discussion of «Antiplaton» in Moscow traffic jam. In: *Urban texts and practices. Vol.1: Symbolic resistance*. Moscow: Delo. P. 174—186. (In Russ.)

Радченко Д. А., Писаревская Д. Б., Ксенофонтова, И. В. Логика виртуального протеста: неделя после выборов-2011 // Антропологический форум. 2012. № 16. С. 108—126.

Radchenko D. A., Pisarevskaya D. B., Ksenofontova, I. V. (2012) The logic of virtual protest: the week after the 2011 elections. *Antropologicheskij forum (Forum for Anthropology and Culture)*. No. 16. P. 108—126. (In Russ.)

Сергеев С. А. Оппозиционная политическая активность в республике Татарстан в 2011—2012 гг. // Известия Алтайского государственного университета. 2012. № 4—2 (76). С. 274—276.

Sergeev S. A. (2012) Oppositional political activity in the republic of Tatarstan (2011—2012). *Izvestiya of Altai State University*. No. 4—2 (76). P. 274—276. (In Russ.)

Скиперских А. В. Политический протест в российской провинции: структура, динамика, перформансы (на примере Липецкой области). Липецк : Гравис. 2013.
Skiperskyh A. V. (2013) Political protest in provincial Russia: structure, dynamics, performances (on the example of Lipetsk region). Lipetsk: Gravis. (In Russ.)

Ушкин С. Г. Вовлеченность пользователей социальных сетей в протестное движение // Власть. 2014. № 8. С. 138—142.

Ushkin S. G. (2014) Participation of social network users in the protest movement. *Vlast' (The Authority)*. No. 8. P. 138—142. (In Russ.)

Чувашова Н. И. Политический протест в современной России // Теория и практика общественного развития. 2013. № 6. С. 143—145.

Chuvashova N. I. (2013) Political protest in the modern Russia. *Theory and practice of social development*. No. 6. 143—145. (In Russ.)

Югай Е., Крылова А., Архипова А.* «Вызов» и «маскировка»: политический активизм в маленьком городе // Городские тексты и практики. Том I: Символическое

сопротивление: коллективная монография / сост. А. С. Архипова*, Д. А. Радченко, А. С. Титков. М. : Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2017. С. 222—239.

Yugay E., Krylova A., Arkhipova A.* (2017) “Challenge” and “disguise”: political activism in a small town. In: *Urban texts and practices. Volume I: Symbolic resistance: collective monograph*. Eds. A. S. Arkhipova*, D. A. Radchenko, A. C. Titkov. Moscow: Publishing house “Delo”, Ranepa. P. 222—239 (In Russ.)

Akbari A., Gabdulhakov R. (2019) Platform Surveillance and Resistance in Iran and Russia: The Case of Telegram. *Surveillance & Society*. Vol. 17. No. 1/2. P. 223—231. <https://doi.org/10.24908/ss.v17i1/2.12928>.

Balcı Ş., Gölcü A. (2013) The Role and Impacts of Social Media in Social Movements: «Example of the Arab Spring». In: Conference Paper. The Asian Conference on the Social Sciences 2013. Osaka. P. 269—281.

Bondes M., Schucher G. (2014) Derailed emotions: The transformation of claims and targets during the Wenzhou online incident. *Information, Communication & Society*. Vol. 17. No. 1. P. 45—65. <https://doi.org/10.1080/1369118x.2013.853819>.

Breuer A., Landman T., Farquhar D. (2015) Social media and protest mobilization: Evidence from the Tunisian revolution. *Democratization*. Vol. 22. No. 4. P. 764—792. <https://doi.org/10.1080/13510347.2014.885505>.

Castells M. (2012) *Networks of outrage and hope: social movements in the internet age*. Cambridge: Polity Press.

Christensen H. S. (2011) Political activities on the Internet: Slacktivism or political participation by other means? *First Monday*. Vol. 16. No. 2. <https://doi.org/10.5210/fm.v16i2.3336>.

Demetriou K. N. (Ed.). (2012) *Democracy in Transition: Political Participation in the European Union*. Berlin, Heidelberg: Springer Science & Business Media.

Denisova A. (2017) Democracy, protest and public sphere in Russia after the 2011—2012 anti-government protests: digital media at stake. *Media, Culture & Society*. Vol. 39. No. 7. P. 976—994. <https://doi.org/10.1177/0163443716682075>.

Earl J. (2006) Pursuing social change online: The use of four protest tactics on the Internet. *Social Science Computer Review*. Vol. 24. No. 3. P. 362—377. <https://doi.org/10.1177/0894439305284627>.

Enikolopov R., Makarin A., Petrova M. (2019) Social media and protest participation: Evidence from Russia. *SSRN Electronic Journal*. <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.2696236>.

Enjolras B., Steen-Johnsen K., Wollebæk D. (2013) Social media and mobilization to offline demonstrations: Transcending participatory divides? *New Media & Society*. Vol. 15. No. 6. P. 890—908. <https://doi.org/10.1177%2F1461444812462844>.

Gerbaudo P. (2015) Protest avatars as memetic signifiers: political profile pictures and the construction of collective identity on social media in the 2011 protest wave.

Information, Communication & Society. Vol. 18. No. 8. P. 916—929. <https://doi.org/10.1080/1369118x.2015.1043316>.

González-Bailón S., Borge-Holthoefer J., Rivero A., Moreno Y. (2011) The dynamics of protest recruitment through an online network. *Scientific Reports*. Vol. 1. No. 1. <https://doi.org/10.1038/srep00197>.

Gould R. V. (1991) Multiple networks and mobilization in the Paris commune, 1871. *American Sociological Review*. Vol. 56. No. 6. P. 716—729. <https://doi.org/10.2307/2096251>.

Halpern D., Gibbs J. (2013) Social media as a catalyst for online deliberation? Exploring the affordances of Facebook and YouTube for political expression. *Computers in Human Behavior*. Vol. 29. No. 3. P. 1159—1168. <https://doi.org/10.1016/j.chb.2012.10.008>.

Harlow S. (2012) Social media and social movements: Facebook and an online Guatemalan justice movement that moved offline. *New Media & Society*. Vol. 14. No. 2. P. 225—243. <https://doi.org/10.1177/1461444811410408>.

Howard P.N., Savage S., Saviaga C.F., Toxtli C., Monroy-Hernández A. (2016) Social media, civic engagement, and the slacktivism hypothesis: Lessons from Mexico's «El Bronco». *Journal of International Affairs*. Vol. 70. No. 1. P. 55—73.

Jost J. T., Barberá P., Bonneau R., Langer M., Metzger M., Nagler J., Sterling J. Tucker J. A. (2018) How social media facilitates political protest: Information, motivation, and social networks. *Political Psychology*. Vol. 39. P. 85—118. <https://doi.org/10.1111/pops.12478>.

Kallus N. (2014) Predicting crowd behavior with big public data. In Proceedings of the 23rd International Conference on World Wide Web. ACM. P. 625—630.

Kerr J. (2018) The Russian model of digital control and its significance. Technical report. U. S. Department of Energy Office of Scientific and Technical Information. <https://doi.org/10.2172/1491981>.

Larson J., Nagler J., Ronen J., Tucker J. (2016) Social networks and protest participation: Evidence from 93 million twitter users. *Political Networks Workshops & Conference 2016*. <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.2796391>.

Leach D. K. (2013) Prefigurative politics. In: The Wiley-Blackwell encyclopedia of social and political movements. Chichester, Malden: Wiley-Blackwell. P. 1004—1006. <https://doi.org/10.1002/9780470674871.wbespm167>.

Loader B. D., Mercea D. (2011) Networking democracy? Social media innovations and participatory politics. *Information, Communication & Society*. Vol. 14. No. 6. P. 757—769. <https://doi.org/10.1080/1369118x.2011.592648>.

Logie J., Gurak L. J. (2003) Internet Protests: From Text to Web: Online Activism in Theory and Practice. In: *Cyberactivism: Online Activism in Theory and Practice* Routledge. New York: Routledge. P. 25—46.

Lunde I. (2016) Hashtag poetics: political humour on Russian Twitter. *Zeitschrift für Slavistik*. Vol. 61. No. 1. P. 102—118. <https://doi.org/10.1515/slav-2016-0006>.

Macintosh A., Whyte A. (2008) Towards an evaluation framework for eParticipation. *Transforming government: People, process and policy*. Vol. 2. No. 1. P. 16—30. <https://doi.org/10.1108/17506160810862928>.

Mamay E. (2014) Citizens' inclusion and eParticipation initiatives in Russia. In: Conference Paper. CeDEM14 Conference for E-Democracy and Open Government, At Danube University Krems, Austria. P. 99—110.

Mayring P. (2014) Qualitative content analysis: theoretical foundation, basic procedures and software solution. Klagenfurt: SSOAR.

Mechkova V., Pemstein D., Seim B., Wilson S. (2019) Measuring Internet Politics: Introducing the Digital Society Project (DSP). Working Paper № 1. URL: <http://digitalsocietyproject.org/working-papers/> (accessed: 10.10.2019)

Mercea D. (2012) Digital prefigurative participation: The entwinement of online communication and offline participation in protest events. *New Media & Society*. Vol. 14. No. 1. P. 153—169. <https://doi.org/10.1177/1461444811429103>.

Mercea D. (2016) Civic participation in contentious politics: the digital foreshadowing of protest. London: Palgrave Macmillan.

Miles M. B., Huberman A. M. (1994) Qualitative data analysis: An expanded sourcebook. Thousand Oaks, CA: Sage.

Milner R. M. (2013) Pop polyvocality: Internet memes, public participation, and the Occupy Wall Street movement. *International Journal of Communication*. No. 7. P. 2357—2390.

Myagkov M., Shchekotin, E.V., Chudinov S. I., Goiko V. L. (2019) A comparative analysis of right-wing radical and Islamist communities' strategies for survival in social networks (evidence from the Russian social network VKontakte). *Media, War & Conflict*. <https://doi.org/10.1177/1750635219846028>.

Nocetti J. (2011) “Digital Kremlin”: Power and the Internet in Russia. *Russie. Nei Visions*. No. 59. URL: https://www.ifri.org/sites/default/files/atoms/files/ifrinocetti_russianwebengmars2011.pdf (accessed: 10.10.2015)

Petrov N., Lipman M., Hale H. E. (2014) Three dilemmas of hybrid regime governance: Russia from Putin to Putin. *Post-Soviet Affairs*. Vol. 30. No. 1. P. 1—26. <https://doi.org/10.1080/1060586x.2013.825140>.

Qin B., Strömberg D., Wu Y. (2017) Why does China allow freer social media? Protests versus surveillance and propaganda. *Journal of Economic Perspectives*. Vol. 31. No. 1. P. 117—140. <https://doi.org/10.1257/jep.31.1.117>.

Ranganath S., Morstatter F., Hu X., Tang J., Wang S., Liu H. (2016) Predicting Online Protest Participation of Social Media Users. In: 30th AAAI Conference on Artificial Intelligence, AAAI 2016. Phoenix. P. 208—214.

Sæbø O., Rose J., Flak L. S. (2008) The shape of eParticipation: Characterizing an emerging research area. *Government Information Quarterly*. Vol. 25. No. 3. P. 400—428. <https://doi.org/10.1016/j.giq.2007.04.007>.

Theocharis Y. (2015) The conceptualization of digitally networked participation. *Social Media + Society*. <https://doi.org/10.1177/2056305115610140>.

Theocharis Y., Lowe W., Van Deth J. W., García-Albacete G. (2015) Using Twitter to mobilize protest action: online mobilization patterns and action repertoires in the Occupy Wall Street, Indignados, and Aganaktismenoi movements. *Information, Communication & Society*. Vol. 18. No. 2. P. 202—220. <https://doi.org/10.1080/1369118x.2014.948035>.

Van Deth J. W. (2014) A conceptual map of political participation. *Acta Politica*. Vol. 49. No. 3. P. 349—367. <http://dx.doi.org/10.1057/ap.2014.6>.

Vie S. (2014) In defense of “slacktivism”: The Human Rights Campaign Facebook logo as digital activism. *First Monday*. Vol. 19. No. 4. <https://doi.org/10.5210/fm.v19i4.4961>.